

МЕЖДУНАРОДНЫЙ
ФЕСТИВАЛЬ
**БОРИСА
И ГЛЕБА**

**ТАТЬЯНА
ЗУБКОВА**

ПАНАКЕЯ

Книга 3. Гея. Земля

Татьяна Зубкова
Панакея. Книга 3. Гея. Земля
Серия «Международный
фестиваль Бориса и Глеба»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51357632

*Панакея. Книга 3. Гея. Земля:
ISBN 978-5-00153-206-4*

Аннотация

Роман «Панакея» охватывает период с XVI по XXI век и носит элементы как исторического романа, так и фэнтези. Как Панакея, дочь бога медицины, персонификация исцеления, так и женщины, героини романа, лечат и тело, и душу. Действие происходит в Российской Империи («Книга 1. Российская Империя. Пламя Табеты»), Советском Союзе и Российской Федерации («Книга 2. Иштар. Любовь» и «Книга 3. Гея. Земля»), Англии, Мальте, Израиле, Китае, Украине. Жизнь – это бесконечная череда событий, в которой все повторяется на новом витке и всегда есть Герои, воевавшие за честь Родины, и те, кто любил их.

Посвящается всем героям, а также тем, кто любил их.

Содержание

Часть 1	8
Глава 1	8
Глава 2	10
Глава 3	17
Глава 4	22
Глава 5	25
Глава 6	34
Глава 7	38
Глава 8	43
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Татьяна Зубкова
Панакея
Книга 3
Гея. Земля

© Т. Зубкова, 2020

© Интернациональный Союз писателей, 2020

Павлова Татьяна Васильевна имеет высшее медицинское образование, заведует кафедрой патологии НИУ «БелГУ». Профессор, доктор медицинских наук, член Европейского общества патологов и ряда других обществ и организаций. Ею написано и опубликовано около 500 научных работ, в том числе 10 монографий. Под её руководством защищено 30 кандидатских и докторских диссертаций.

Пишет художественную прозу и стихи всю жизнь. Публикуется под псевдонимом Татьяна Зубкова. Взяла фамилию своих предков с дворянскими корнями, живших когда-то в том числе и в Белгороде, куда она была приглашена для участия в основании медицинского факультета. Ею опубликованы романы «Адам и Ева после ада» («Звонница», Москва, 2016), «Город имени ветра» («Издательство Интернационального Союза писателей», Москва, 2017), «Панакея. Книга 1. Российская империя. Пламя Табеты», «Панакея. Книга 2. Российская Федерация. Иштар. Любовь» («Издательство Интернационального Союза писателей», Москва, 2019) и ряд рассказов.

Пишет картины и устраивает выставки.

Посвящается всем Героям и тем, кто любил их

Не оскверняйте земли, на которой вы [будете жить]; ибо кровь оскверняет землю, и земля не иначе очищается от пролитой на ней крови, как

кровью пролившего ее.
Ветхий Завет. Числа

*Крайне важное сообщение относительно
Космического Корабля Земля: к нему не приложено
руководство по эксплуатации.*
Бакминстер Фаллер

*Боюсь, что земной шар – желтый дом
Вселенной.*
Вольтер

*Тут есть такое твердое правило, – сказал
позднее Маленький Принц, – Встал поутру, умылся,
привел себя в порядок – и сразу же приведи в порядок
свою планету.*
Маленький принц, Антуан де Сент-Экзюпери

*Нашей планете не нужно еще больше успешных
людей. Земля отчаянно нуждается в миротворцах,
лекарях, защитниках, рассказчиках и всех тех, кто
несет любовь.*
Далай-Лама

**Посвящается моей маме
Нелли Викторовне Мольгун (Зубковой)**

Часть 1

Война

Глава 1

Земля

В крошечной тьме, освещаемой только звездами, движется транспортное средство, заполненное людьми: с их страстями и эмоциями, любовью и враждой, немощами и надеждами. И это – Земля в пространстве, которое мы называем Вселенной.

– Стреляй же! – закричала я прямо в лицо стоящему метрах в пятидесяти от меня бывшему любовнику, наводящему на меня автоматическое оружие. При его зрении он вряд ли мог быть снайпером. Но изобретенные в последнее время самонаводящиеся пули давали ему возможность застрелить меня и с более отдаленного расстояния. Но он – медлил. А может, он все же узнавал меня?

Официально я приехала с грузом фармакологических препаратов в эту зону затянувшегося конфликта. Но у меня была и другая миссия, с которой я вынуждена была справиться самостоятельно. Она и занесла меня на эту десятикилометровую разделительную полосу. Я должна была взять

пробы для определения возможного накопления в воде и земле психотропных, генномодифицированных и онкогенных веществ. На месте я, естественно, разобраться с этим вопросом не могла: ведь не существует еще такой волшебной лаборатории в чемоданчике, как в сериале «След». Над мной периодически пролетали дроны, а пейзаж вокруг, несмотря на то, что это была часть Европы, утратил за пять лет военного конфликта признаки цивилизации, и его можно было использовать для фильма «Сталкер», если бы здесь не было так опасно. Меня, как эксперта, направили сюда после того, как офицер-перебежчик запустил в «паутину» видеообращение, в котором рассказал о том, что здесь применяется химическое оружие и он обладает доказательствами, но опасается за жизнь своих родных. Сейчас он находится в одной из стран Евросоюза, что и придает ему смелости. Экс-военный выразил готовность дать показания в любом суде и международных организациях. На следующий день после этого он погиб в автомобильной катастрофе. Водителя грузовика, как прозвучало, араба-эмигранта, вскоре нашли застрелившимся. На этом след обрывался. Помимо этой информации врачами, работающими в этом регионе, был зафиксирован рост онкологических заболеваний более чем в два раза, особенно среди детей.

Глава 2

Фармаколог

– Стреляй же, наконец! Меня там ждут! – закричала я. Но ничего не случилось, и я продолжала вспоминать. Мне тогда было между сорока и тридцатью, и недавно состоялась защита моей докторской в Москве. В то время мы и познакомились: я и мой бывший. Покидая этот Город, увозила своего сына, а также и его, аспиранта и почти мужа, так как пожениться мы решили после переезда. Именно он стоит теперь на дороге и целится в меня из автомата. Помимо обустройства на новом месте, работы на кафедре и над кандидатской диссертацией, он помогал мне с сыном, причем как-то по-своему. Как-то он подарил ему складной нож, который он достал в школе, защищаясь, а у нас с ним были большие неприятности, хотя он никого и не ранил. Ведь, как известно, следы воспитания или его отсутствия проявляются через много лет! Еще мы с ним вместе танцевали ламбаду и он мне соло стриптиз, рассказывал сказки о ниндзя, продолжал заниматься карате, и зрение у него падало все больше. Чуть больше, чем через год, когда мы уже расстались и он вернулся к родителям, совершив достаточно, мягко говоря, неэтичных поступков, я обрела и свою большую любовь. О ней и вспоминаю сейчас, стоя на дороге, чтобы она согрела, а лучше – спасла меня!

С тех пор прошло достаточно, по масштабам человеческой жизни, времени и миновал целый ряд событий, после которых я стала жить в Москве. Я – фармаколог, доктор наук, профессор, эксперт по влиянию на организм человека ряда психотропных и других средств. Заведую кафедрой в университете. Много времени отдала экспериментальной работе. Ведь и знаменитый нобелевский лауреат Иван Павлов претендовал когда-то на заведование кафедрой фармакологии! Я за эти годы изменилась не очень сильно, но, может, это мои иллюзии! Ношу все тот же размер одежды и обуви, что сильно экономит деньги на тряпки! По-прежнему люблю, но уже вкупе с рядом других, духи от Ив Сен-Лорана. Мне все еще нравится Мона Лиза, но я давно ее не видела, то есть не была в Лувре, хотя я часто бываю в поездках, отдыхая и по работе. Но смотрела глаза в глаза другой, которая висит в «Прадо». Мы поулыбались друг другу – и расстались. Быть может, навсегда! Но я не изменила и своей слабости к Ван Гогу, особенно к его «Подсолнухам». Надо сказать, что я вообще редко в жизни меняю свои пристрастия!

Накануне отъезда состоялся следующий разговор с моей подругой-социологом, которая работает профессором в ведущем московском вузе. Какая она? Внешне – типичная москвичка, каких так много на ее улицах и в подземке. Среднего роста, стриженная, с темными волосами и с черными восточными глазами, доставшимися от мамы-казашки. Макияж преимущественно не использует, а всей массе одеж-

ды предпочитает джинсы и кроссовки. Благо на них теперь смотрят толерантно в учебных заведениях ректора, которые уже сами не по одному разу побывали за этой самой границей, но с вожделением и тоской все же говорят о дамах в юбках, причем преимущественно коротких. Она сама так говорит о своем возрасте:

– Наиболее благоприятный для жизни: уже нет иллюзий молодости, но не наступили еще галлюцинации старости! – Но при ее интеллекте, склонности к изучению языков, преимущественно иностранных, а не коровьих, последнее ей, я думаю, не грозит. Живет одна. На мои слова: «Как это у тебя нет ни ребенка, ни котенка?» – со свойственной ей эрудицией и юмором приводит научные данные из жизни волков:

– В стае всегда одна доминирующая волчица. Она и рождает от вожака, после страстной любви, естественно. Энергетика ее столь сильна, что остальные самки даже не смеют течь! Они только помогают ей воспитывать щенков, в том числе переварив пищу, срыгивают ее для них. Так регулируется возможность на определенном участке суши прокормить определенное сообщество. Лишних ртов никому не надо! Такой закон не только джунглей, леса в данном случае, но и жизни в целом. Если даже случится что-то романтическое у молодой особи женского пола, у роженицы-волчицы могут отобрать потомство, а ее саму – изгнать из стаи или даже загрызть, что в сложившихся обстоятельствах милосерднее: одна она обречена на гибель. Так и я – живу в стае. В част-

ности, помогаю тебе, когда ты уезжаешь, нянчить твоего пса, как сейчас.

– Ну ты скажешь! – перебила я.

– Но и твой сын сейчас не с тобой, а на обучении в Лондоне.

– В твои сорок с небольшим и с современными возможностями еще совсем не поздно тебе завести своего!

– Всем рожать необязательно! И я должна добавить, что жаль, что нет той селекции, хотя я понимаю, что говорю в унисон теориям фашизма, как у породистых собак.

– Жестко ты! – только я нашла, что ответить, я.

А молодой бульмастиф, о котором шла речь, лежал рядом со мной и лизал мои ноги, жалостливо глядел на меня, и в моей голове звучало: «Не уезжай!» Я взяла его почти через год после того, как от рака, но уже достаточно пожилым умер мой прежний пес. И это было для меня, прожившей с ним почти десять лет, большой трагедией. Я все же заставила себя пойти через несколько месяцев на выставку. Поплакала там немного, увидев чужих собак, но познакомилась с заводчицей питомника под Питером, которая сказала, что у нее осталось два прекрасных щенка около пяти месяцев от роду. Папа же на той выставке занял все в своем виде и возрасте призовые места. Я взяла у нее координаты, и мы стали вести активную переписку. Из двух щенков на присланных фотографиях и видео я по глазам, хотя это и непрофессионально, выбрала (одного). И, как показало будущее, не ошиблась! А

тогда мы переписывались, она писала:

– Этот – тихий! Соня. Тихоход небесный. Спокойный до одурения. Хорошо ходит на поводке и ничего не грызет.

После прогулки ложится спать и его не видно и не слышно. Короче, ведет себя как будто взрослый. Но если он находится на выгуле и вдруг кто-то идет по дороге, то он начинает очень неласково облаивать. И если подбежит к нему сводный по отцу братец, то он может вцепиться и драться. Ест быстро и жадно и тоже может вцепиться за еду. Если кто-то приходит, то сидит и смотрит, но никогда первым не подойдет – серьезный пес будет! Но я люблю более открытых щенков-собак, а в этом под мирным спокойствием живет черт!

– А он вообще бегаёт, играет? – уточнила я.

– Идешь – бежит. Остановилась – сел. Сижу курю, а он на ступеньках спит.

– А сколько щенков было? – спросила я.

– В помете было пять мальчиков и одна девочка. Сейчас кто в Бостоне, кто в Африке, – ответила она.

– А почему этот остался? – резонно заволновалась я.

– В Африку я отправила на свое усмотрение. А в Бостон хотели рыжих, а он с зачернениями! Но я даже рада, что он остался. Если бы он не был таким серьезным, то, возможно, я бы оставила его себе. Но он собака одного хозяина и когда видит, что его отец всегда ходит со мной, то у него в глазах печаль и он ревнует. Ему свой хозяин нужен, чтобы он смог любить его. К тому же мне все же не нравится его характер.

Я все-таки предпочитаю собак простых и открытых!

Мне же все это вполне устраивало, и я стала готовить миски-коврики-поводки-игрушки, так как все, что оставалось от из вещей прежнего пса, я в одну ночь после его смерти, рыдая, собрала и выбросила. Продолжала разговоры о кормлении и содержании. И хотя меня здесь уже что-то насторожило, не придавала этому значения. Да я все равно я бы взяла его!

Мой уже подросший пес оставил мои ноги и лег в тот вечер прощанья четко между нами, стараясь не обидеть ни одну. В этом отрезке моей части жизни, когда уже нет со мной давно и рано погибшего Моего Героя, я предпочитаю видеть, когда прихожу, влюбленно смотрящего на меня барбоса у двери, а не недовольного моим поздним возвращением сожителя на диване! А где взять другого? Укажите место! У людей бывает: Face Control с ограничением входа клиентов, не удовлетворяющих определенным критериям, Dress Control при несоответствии одежды, а мой пес устроил Hand Control – смотря на руки тех, кто приходит, и как бы говоря: «А вы что принесли моей повелительнице?» Это вам ничего не напоминает?

Собаку привезли в жуткой перевозке, и я очень пожалела, что не съездила за ним сама. С шофером вдвоем мы еле вытащили его из маленькой деревянной клетки, где он, по ряду причин, провел более десяти часов. На следующий день с ним начались трудности. Он жил до меня, как теперь уже понятно, как и большинство животных в питомниках сей-

час, в клетке. Вылезли проблемы, в том числе и инфекционные, от плохого питания и содержания. Вначале был совсем плох, сидел в углу в квартире и не уходил: привык к клетке и ограниченному пространству. С ним было очень сложно: он не хотел гулять, и я с трудом, плюнув на соседей, выволакивала его. Он был похож на ребенка, который жил даже не в интернате, а в концлагере! И все время находился в углу. А я садилась рядом с ним на коврик, гладила его, что он сразу совсем не понимал, и разговаривала с ним. И он стал оттаивать. Через месяц он впервые улыбнулся, к этому времени мы с ними стали спокойно гулять. Он сова, очень любит вечер. Интроверт – сидит себе, приюхивается, прислушивается, нюхает. Совершенно бесстрашный, но ни внешнего мира не знал, поэтому изучает его и остерегается, ни ласки не видел. Был очень нелюбим своей заводчицей за этот его внутренний мир. Пришлось его много лечить, даже оперировать, дважды, под общим наркозом, удаляя возникшие от неправильного питания папилломы.

Сейчас, в десять месяцев, он стал красавцем. Почти темно-коричневый, а не с волчьей окраской, как казалось раньше. Лунообразное лицо с японским разрезом глаз и черной красивой маской. Лапы от правильного кормления стали крепкими, как и хвост, а спина – прямой. От него я поняла много правильных вещей. И одна из них, главное в жизни, чтобы был дом и возможность любить кого-то! И все, это и есть счастье!

Глава 3

Девичник

В тот вечер мы с подругой устроили, можно сказать, от-вальную и вдвоем приканчивали уже вторую бутылку сухо-го красного чилийского винца и, расслабившись, что харак-терно для русской интеллигенции, заговорили «о высоком». Подруга начала первой:

– Пришло время, когда компьютерные игры слились с ре-альностью. В виртуальной жизни приучали убивать, причем всех! Ты убьешь – и получишь бонусы! Так приучали в шко-лах, офисах, на войне.

– Неужели все так печально? – спросила я, попивая крас-ное вино.

– Все еще хуже! Будь однотипным и подчиняемым! Руко-водители многих стран стремятся к тому, чтобы все были се-рыми и не отличались друг от друга и ими легко было управ-лять. Я вижу это даже в собственном ВУЗе. Происходит пе-рестройка всей системы ценностей начиная с детского воз-раста, и уже не стесняются говорить, меняя сознание: «Если хочешь победить врага – воспитай его детей»!

– Да, я припоминаю! – воскликнула я. – В передаче «Вре-мя покажет» прозвучала фраза, что положительные отзы-вы по поводу организации чемпионата по футболу в России украинского блогера были истолкованы частью обществен-

ности как упущение в воспитании в детском саду.

А моя подруга продолжила:

– Применяются идеологические, биологические и нанотехнологии, которые направлены на изменение самого человека. Каждый индивидуум несовершенен душой и телом, болеет и умирает. Новейшие научные исследования все же предоставляют возможность улучшить качество жизни и продлить ее. Но при этом человек впадает в зависимость от специалиста.

– Да я знаю. Американским военным предлагается сканировать тела военнослужащих для создания их виртуальных копий, которые затем могут быть использованы для 3D-печати новых костей в случае получения травм.

– Все больше работ проводится, направленных на манипуляцию человека под маркой сохранения его психики, в частности для автоматического управления настроением общества, когда производится сканирование мозговой активности и устраняются состояния, которые могут вызвать депрессию или, наоборот, повышают агрессию. Активно ведутся работы по созданию нейроимплантатов, делающих возможным осуществлять связь между компьютером и человеком, – продолжила она. И я добавила, почти перебив:

– И используются химические препараты для изменения состояния человека и рождения геномодифицированной особи с последующим созданием людей-киборгов, которые уже нашли свое место в голливудских фильмах! В лю-

дей уже начали вживлять чипы, пластины, имплантаты, позволяющие заменить орган или контролировать его работу.

– А мы так восторгались фильмом «Аватар», помнишь? Теперь мне кажется, особенно после второй бутылки вина, что фэнтези выпускается Голливудом по определенному заказу, чтобы подготовить соответствующую психологическую базу, – высказала она еще одну свою выстраданную мысль, а затем продолжила: – Почти сформировано общество тотального контроля со связью через мировую информационную паутину. В условиях рынка нужны не личности, а именно мыслить нас учили раньше в вузах, а люди, обладающие определенными компетенциями, что сейчас четко прописывается в наших учебных программах!

– А я, когда была в Японии, узнала, что преимуществом при устройстве на работу в престижной фирме пользуются люди, не окончившие магистратуру, а только бакалавриат, – расширила я до всемирного масштаба ее идею. Мы долго тогда еще разговаривали у меня дома, перейдя уже на третью бутылку, правда красное уже закончилось и в ход пошло белое, но пили уже потихонечку. Подруга продолжила: – Геополитические войны были всегда. И горела Русь много веков назад! И детей бросали в пламя пожара, чтобы истребить генофонд, и женщин, чтобы не стали волчицами. Но мне так хочется верить в эту утопию мира! И – бороться за нее. Идеологические войны были всегда! Та же Елизавета распространяла по Европе слух об особой жестокости Ивана

Грозного после увеличения пошлины на товары английских судов в порту Архангельска.

– Но возможности были другими! – присоединилась я. А она уже почти читала, как лекцию: не зря же ее считают одним из лучших лекторов в ее шарашке:

– Всегда шли религиозные войны: в Средневековье – за христианство. Сейчас – за ислам! И этим многие пользуются! И вооруженные конфликты не только приобрели геополитический характер, но и стали мерой защиты своей системы ценностей. Это же означает, что современные войны зачастую возникают не только из-за желания получить геополитические преимущества, но и по причине национальных и идеологических различий. В психологии это называется сверхценной идеей. Главный парадокс – назначение агрессора! При этом могут искажаться как откровенно негативные аспекты, так и позитивные. Примеры легко найти в военных конфликтах в Сирии и на Украине.

Мы все же еще попили чаю, и ближе к полуночи, вызвав такси, подруга уехала.

А до того еще посидели и уже попили зеленого чайку с жасмином. Десерты обе не употребляли – диета! Хотя и приняли их, зловредных, очень много с винцом. Помолчали. Потом она неожиданно для меня спросила:

– А ты вспоминаешь его? – Она не уточнила, но я сразу поняла, что речь идет о моем погибшем гражданском муже, Моем Герое... Как раз накануне он снился мне: в голубой

рубашке в белую полосочку, почти такая же у него была когда-то, но не такая яркая, с рукавами, закатанными так, что туго обтягивали хорошо выраженные бицепсы, и я дотронулась до этой загорелой руки; в джинсах, он никогда бы не позволил себе ходить по городу в пляжных трусах, которые у нас мужчины почему-то считают шортами и в них ходят даже уж с совсем уродливыми ногами и пожилые! Когда я коснулась его, он повернулся ко мне и засмеялся, чуть, как всегда, запрокидывая голову и с закрытым ртом – стеснялся новых зубов, вставленных после того, как выбило взрывом свои.

Я сказала:

– Ты же погиб!

– Нет, как видишь! – ответил он и обнял меня.

А я, отталкивая его, но неактивно, и возмущаясь, сказала:

– Зачем же ты столько лет мучил меня?

– Так надо было! – прозвучало в ответ, и я проснулась. Но подруге я ответила просто:

– Вспоминаю. И – снится! – Вскоре она уехала, а я стала, как всегда в последний момент, собирать дорожную сумку.

Глава 4

Родина

В стране, которая когда-то была моей родиной, шла гражданская война. Мне, как эксперту по ряду запрещенных к использованию препаратов, предложили эту поездку с официальным отпуском по основному месту работы на это время, которое должно было занять на это время – неделю, максимум две. Параллельно я все же сопровождала груз медикаментов. Было сказано оказать мне всестороннюю помощь, не уточняя какую. И я – поехала! Такая вот бесстрашная, а скорее – бесшабашная!

Я считаю, что в переводе на язык искусства женщина скорее не статуя, а фреска. Когда она, назовем так, взрослеет, особенно в военно-полевых условиях, с нее может осыпаться то здесь, то там уже не только краска, а и штукатурка, обнажая местами кирпичи. Женщину надо лелеять, как ценную фреску на стене храма. Но, как ни странно, в те дни и без ботокса, массажа, хорошего сна, питания, масок, кремов, фреша, фитнеса, тренера и много чего другого я выглядела на удивление молодо. Я похудела, загорела, а форма типа военной мне всегда шла. Правда, десять дней, которые я здесь уже была, – не такой уж большой срок.

Я редко ездила по городу, но когда это происходило, не чувствовала знакомых запахов, в том числе любимый с дет-

ства – печеных белых караваев с поджаренной коркой посередине, разносившийся из пекарни возле дома бабушки. Я не видела ухоженных клумб с цветами, одна из которых была разбита под окнами четырехэтажной «сталинки», где она жила, прямо на асфальте, где росли, распространяя аромат, казалось, что на весь город, привезенные из Крыма пионы, чайные розы, табачок и фиалка, пахнувшие ночью, и неприхотливые, цветущие до морозов сальвии. Казалось, что засохли елки на терриконах, которые продолжали стоять и тогда, когда выработывали шахты. Город был серый, перекоренный, с запахом нищеты и бедности. И я не узнавала город. Была в областной больнице. Наверняка здесь работали мои бывшие студенты, но я не узнавала их, а они, по-видимому, не признавали меня.

Меня хорошо приняли во временной маленькой семье, на базе которой мне было рекомендовано останавливаться, когда будет необходимо, и просить помощи, если понадобится. Она состояла из Командира, бывшего беркутовца. Помощником у него был бывший капитан, воевавший когда-то в Афгане. который после отставки После отставки он работал мастером на заводе, который делал когда-то оборудование для шахт, затем, во времена перестройки, безуспешно пробовал выпускать самолеты, почти полностью встал, а в начале конфликта ремонтировал все подряд, пока его основательно не разрушили. Был в этом отряде также парень-шахтер лет двадцати пяти, причем совсем не бывший,

так как в свои короткие выходные бегал помогать ребятам в забое, а также парнишка с хорошими мозгами и основательными знаниями компьютерщика. Еще несколько человек общались с нами не так тесно.

Глава 5

Посиделки

Мы сидели на веранде, стены которой были с облупившейся штукатуркой и со следами от выстрелов, на стенах которой облупилась штукатурка и виднелись следы выстрелов. Дом был одноэтажный, из него из-за близости с разделительной полосой выехали хозяева. В его подвале мы часто прятались от бомбежек. Все кругом напоминало какой-то смутно припоминающийся фильм про войну. Люди были всё такие же, а вот оружие с фосфорными и другими поражающими смесями, радиоуправляемыми снарядами, роботами, отключающими не только бомбы, но и другие устройства и способными детонировать противопехотные мины или неразорвавшиеся боеприпасы, появившиеся «на той стороне» джетпаки, которые уже не являются прерогативой голливудских сценаристов, а используются военными как прототип индивидуального летательного средства и крепятся к спине человека, помогая ему пробежать путь за более короткое время, несмотря на дополнительный металлический груз для увеличения максимальной скорости бега на поле боя. В реальном ли мы живем мире или это сценарий фантастического фильма, которых, преимущественно американских, мы насмотрелись так много с эры перестройки? Особые хлопоты нам доставляли дроны. Они подлетали, чаще ночью, управ-

ляемые кем-то, похоже, из самого города, и не только взорвали троллейбус днем, но и подстрелили одного из командиров.

Компьютерщик Богдан вечно сидел в своем навороченном гаджете и почти всегда у него в ушах были наушники. Я как-то попросила послушать – не понравилось! Мальчишка был влюблен и бесконечно писал СМС, слал смайлики и забавные стикеры, как я увидела однажды, с сердечками, розочками, краткими признаниями в любви на английском языке: видно, именно на нем говорили их производители! У меня создается впечатление, что такое общение из кем-то созданных образов сейчас основное в мире! Да и я сама, признаться, все больше ими пользуюсь в «Viber» и «WhatsApp». Причем кто говорит, что мы стали общаться меньше? Я почти всегда на связи минимум с десятью друзьями! Отображение другое, без больших писем, даже электронных, дневников. Но чувства были все те же, древние и неподдельные! И какая разница как их выражать – гусиным пером или клавиатурой? Да и какие тут чернильницы! Впрочем, разве просто было писать Наполеону Жозефине с поля боя? Те письма хотя бы частично сохранились. От наших, виртуальных, не останется ничего... Поэтому я так трепетно, все же распечатываю свои и близких фотографии: вдруг сгорят все мои гаджеты и флешки! А впрочем, нужна ли будет когда-то кому-то моя жизнь? Может, легче и честнее ее и не хранить? Недавно я прочитала фразу одного из пособий, учащих жить. В

нем, в частности, было сказано: «Не храните старых фотографий! Любите себя такого, каким вы являетесь сейчас!» – впрочем, не я переводила с японского одну из популярных книг по уборке своего пространства. Сама же эта нация в целом очень трепетно хранит свое прошлое! Но, может, только коллективное?

Люди изменились в своей оценке ценностей. Для этого поколения двадцать первого века, несмотря на всю мощную индустрию моды с телепередачами, распродажами, внушением того, что наряд изменит все и сделает человека, особенно женщину, счастливым и не одиноким, уже одежда – одежда уже только маскарад, который не имеет значения, и ее можно легко выбросить не заморачиваясь. Они по-другому говорят и по-иному думают, живя часто в совсем другом, отдаленном от существующего мире. А может, он и есть реальность и мы скоро перейдем в него или два мира сольются по чьей-то воле?

Недавно у меня с Богданом был разговор, в котором я хотела кое-что прояснить для себя самой. Я спросила:

– Богдан! Вы как-то говорили, что вы гейм-мастер. Я не совсем понимаю, что это такое.

– Вероника Викторовна! Теперь для меня это не так актуально! Я действительно ГМ, то есть гейм-мастер, администратор игры, смотрящий за порядком, уровня Европейской игровой лиги. Админ является самым несчастным игроком, так как ему приходится контролировать других и наказывать

за непристойное поведение, а также обучать их в аке.

– А это что? – как человек много знающий, я не боюсь задавать вопросы.

– Это место, где игроки маленького уровня обучаются для становления, чтобы стать членами клана. А также я должен был следить за голдфармерами, то есть, поясняя сразу, торгующими виртуальной валютой и игровым шмотом.

– Есть и такое? Какой порядок! – действительно удивилась я.

– Да. Есть! – ответил он мне.

– А что все же значит «геймер»? – решила уточнить я.

– Мне кажется, что вы лукавите! Вы же здесь самая образованная. И языки знаете... – улыбнулся он.

– Только английский. И больше профессиональный...

– Вы скромничаете! Я же видел, как бегло вы просматривали инструкции перчаток для подъема человека по стеклянной стене, имитирующих лапы геккона.

– А, эти, типа «Человек-паук», – непроизвольно вырвалось у меня.

– Вот-вот! На том складе был еще уникальный смартфон, который самоуничтожается, если окажется в чужих руках, если вы попытаете разобрать смартфон, чтобы получить доступ к его «железу». И его вы не тронули! А вы – геймер!

– И все же, – настаивала я.

– Чел, играющий в игрушки, ролевые или военные. Я предпочитал последние... Это новая субкультура, а в насто-

ящее время и киберспорт. Я даже занимал призовые места на европейских соревнованиях... Но теперь не до этого...

– Не жаль? – спросила я, посмотрев на него с уважением.

– Делом занят... Гаматься – не до того! Это раньше я был авапешником, имел виртуальное оружие снайпера с его ролью в игре. Сейчас я их в жизни вижу! Но все вокруг, это – моя База, моя Родина. Я дефер, защитник и реально хочу оборонять здесь все!

Мы помолчали немного, и он продолжил:

– Я же не чайник! И прекрасно понимаю, что вы не только ферму привезли. Вот всё пробирки какие-то собираете... И босс как вас уважает! Хотя, похоже, и не очень в теме...

– Не будем об этом! – перебила я его.

– Я только хотел сказать, если нужно что-то, я всегда готов!

– На что же? – все же решила уточнить я.

– Данные нарыть. Инфу передать. И даже с дроном что-то отправить. Признаться, я тут посадил один... И держу в резерве, – спокойно ответил он.

– И не признаешься? – удивилась я.

– Вы же тоже не все говорите! – сказал он так, что в ответ нечего было и сказать. Не простой совсем мальчик!

– Спасибо! – сказала я самое лучшее, что смогла.

– Все же не доверяете?

Врать мне всегда было тяжело. И я ответила просто:

– Обращусь в безвыходной ситуации! – искренне пообещала.

щала я.

– Выход, как и истина, всегда где-то рядом! – ответил он фразой из какого-то старого фильма. Всегда удивлялась, почему же их тянет на них? Тогда я уже знала, что парень очень талантливый и ему часто удавалось перехватить управление дронами на себя и вывести их из зоны поражения объектов. Но с другой стороны ими управлял кто-то опытный и дерзкий или даже, скорее всего, группа людей. Сейчас мы сидели небольшой группой, заканчивая ужин. Около города продолжали кружиться дроны, иногда залетая и в него, как сбившиеся с пути птицы. Мужчины ели трофейную пищу, срок годности которой, как гласила надпись на упаковке, составлял более трех лет. Я эту гадость даже пробовать отказалась!

– Мыши! Летучие мыши! – закричала я, так как боялась их до смерти.

– Тю! Ништяк! – сказал Шахтер. – Не бойтесь! Да и хай бы летали, не укусят! – присмотрелся и добавил: – Но – шо это?

– Дроны! – сказал Богдан и добавил: – Уже существуют аппараты, которые могут свободно передвигаться по улицам города и внутри помещений, преодолевая препятствия на скорости двадцать и более метров в секунду. Причем без участия оператора или любых других внешних средств. Они летают подобно птице, имеют своего рода рефлекс, которые помогают избегать столкновений. Они умеют складывать крылья, а затем расправлять. И этим похожи на летучих мышей! Не исключено, что их испытывают здесь! Они счи-

тают нас андедами – «неживыми», как гамка в компе, а себя – Варами – воинами! Ассист на объект – и дуплят.

– Что? – переспросил уже командир.

– Уничтожают! – и добавил, стараясь уже пояснить публике не в теме: – Им бы только ачивку, конкретную цель достичь! Без бафа!

– А это что? – решила я не напрягать обалдевшую публику.

– Это когда дается временное повышение характеристик и защиты.

– Окей. Все как всегда! – пробурчал командир. А Богдан опять принялся отправлять свои СМС, радуясь, что получает что-то в ответ.

– Понапридумывали тут! А нам разбираться! – Афганец по-мужски считал себя ответственным за все. – Но разобраться надо, что мы порожняка гоняем: не с нашей ли стороны корректировка идет? – Мальчик оторвался от своего очень дорогого и современного гаджета, явно не совпадающего с его простецким видом: старые, явно не «лейбовые» джинсы и кроссовки и клетчатая, навыпуск, рубашка. Никак я не привыкну, что для современного, продвинутого в технике поколения одежда всего лишь расходный, разовый материал. Он опять включился в беседу, просвещая нас, на его взгляд, серых и убогих:

– «Дрон» похоже на жужжание, ведь и самцов пчел, трутней, по-английски называют дронами. И не ассоциируются

они здесь с красивыми съемками в горах Италии, гонках на квадрокоптерах, аэрофотосъемкой и просто развлечениями. Впервые их использовали в середине девятнадцатого века, когда австрийские войска, атакующие Италию, подошли к Венеции, вооружившись более чем двумя сотнями воздушных шаров, которые были оснащены бомбами с установленными предохранителями. Был ветер, и цели достигли немногие. Как вы знаете, в настоящее время они применялись в Афганистане, Ираке, Сирии. Могут быть бомберами, и дамаг, урон может быть очень большим!

– Это понятно: с бомбами... – радостно включился в беседу афганец. – Просвети нас подробнее! Что идти чигирями: для нас ведь не секрет, что ты вместе с несколькими другими ребятами сражаешься с ними! И перецепиться вы с другой стороной можете!

– Это слишком громко сказано. Да и говорить об этом не стоит. Но информация о них не закрытая! С земли их сбить трудно, поскольку вся их связь уходит вверх тонким лучом. Большинство квадрокоптеров могут оставаться в воздухе в течение пятнадцати минут, но отдельные – в два раза дольше. Бытует мнение, что хороший геймер может быть хорошим оператором или, наоборот, сбивать их с пути. Некоторые игры могут дублировать это, и я когда-то сутками был в теме.

– А теперь? – спросила я.

– Теперь я – в реальной жизни. Но почему-то часто мне

кажется, что это тоже игра... И в чем-то это – PvP-сражение геймеров против друг друга. Цель может быть атакована и уничтожена. И она может быть живым человеком, как было на днях. – Все замолчали, вспомнив другого погибшего командира, а через несколько минут он продолжил: – Ни одна видеоигра и близко не подводит человека к выполнению такой миссии. Хотя основная цель беспилотников – разведка и охрана. Но это может быть и нападение. Дрон может развить скорость до двухсот километров в час при весе сто килограммов, при этом его аналогичной грузоподъемности. Но существуют целые рои крошечных дронов более ста единиц, каждый из которых весит не более трехсот граммов!

Глава 6

Встреча через двадцать лет

Подъехал старенький «запорожец» охряного цвета. Не удивляйтесь! Они еще ездят по дорогам, хотя их и не выпускают уже. Причем если они в хорошем состоянии, за машину могут просить около ста тысяч рублей. Из него вышел невысокий полненький сидящий араб лет так под сорок. Мы глянули друга на друга, ахнули – и расцеловались, что было совершенно невозможно в то время, когда он был моим студентом из Пакистана.

Учился он слабенько, хотя и старался не проспать занятия. Старался рассмешить нас. Он не изменил своему пристрастию к отечественному автопрому. Правда, я не знаю, та ли это до сих пор машина, хотя теперь полностью перебранная и можно сказать, что ручной сборки, или ее «сын-племянник». Да и какое это имеет значение? У машины тогда были дипломатические номера, и его тормозили все работники ДАИ. Он вылезал, доставал из кармана приготовленные пять гривен, говорил: «На деток!» – ребята с трассы каменели, как заколдованные, а он ехал дальше.

Когда ему надоело раздавать банкноты, а был он небогат, он женился на украинке, записал на нее свое единственное движимое имущество и поменял номера на обычные. Они так и живут вместе, работая врачами в это непростое время.

Ребята, естественно, решили пройтись по машине. Первым, как водится, начал командир:

– Едет по улице крутой «мерс», и, как обычно, в него на светофоре врывается «запорожец». Из «мерса» выходят крутые ребята, вытаскивают из другой машины дряхлого старичка и, как следует, говорят: «Ну, ты попал! Гони бабки!» – а старичок в ответ: «Можно я сыну позвоню? Он приедет – привезет!» «А кто он у тебя?» – удивленно. «Да на птицеферме работает!» – ответил дедушка спокойненько. Согласились. Взял он свой дешевенький сотовый. Позвонил. Через десять минут подъезжает бронированный джип, из него вываливает команда крепких мужиков в спецодежде, избивают всех крутых мужиков и забирают у них машину. Потом их главный подходит к старичку и говорит: «Папа! Сколько же раз тебе говорить: не птицеферма, а спецподразделение «Беркут».

Тему подхватил другой:

– «Слышь, а почему у «запорожца» мотор сзади?» – «Чем думали, туда и ставили!»

Командир прервал:

– Поприличнее! Здесь же дама! – Давно меня так не называли! Бывший студент сказал: – Тогда – свеженький. Запорожец не машина, а *** не мужчина! – И, как всегда, со своим специфическим юмором переплюнул всех!

К нам подошла женщины лет за шестьдесят. Высокая, статная, немного коренастая, какие уж тут диеты и фитнес,

если многие годы, а практически всю жизнь ее поколения надо было выживать и иметь силы! А такая и вагонетки, если надо, пойдет в шахту толкать, и свой бизнес подымет – а у нее действительно был свой продуктовый магазинчик на базаре, и песню за праздничным столом красивым мелодичным голосом поведет, что-то трогательное типа:

– Миленький ты мой:

Возьми меня с собой!

Обычно говорила на суржике, какое некрасивое слово, а просто в речи ее перемешивались южнославянские слова и напевы. Лицо ее с четкими лепными линиями было слегка подведено дешевенькой косметикой, а волосы, по-видимому совсем седые, что чуть проступало у корней, подкрашены в темно-каштановый цвет. От нее веяло редким сочетанием силы и нежности. Она тащила тяжелые пакеты с пищей для нас, приготовленной из продуктов, которые взяла в своем же магазинчике. За товаром она ездила в Ростовскую область, а иногда даже в Москву. За ней с пустыми руками шел мальчик, как мы знали, двадцати четырех лет. Голова его была аномально укороченной, с затылком почти без выпуклостей и располагалась на широкой шее. На плоском лице глаза прикрывала вертикальная кожаная складка, было видно, так как рот часто открыт, нарушение строения зубов, а переносица короткого носа была сглаженной. Руки, ноги и пальцы на них были укороченными и патологически подвижными. Вечный малолетка улыбался. Он был солнечным ребенком с клини-

ческим диагнозом болезнь Дауна и пороком сердца. Обычно такие дети не живут долго. Но мать очень берегла его. Недавно снаряд попал в угол ее дома, окруженного цветником из роз, которые тоже пострадали, так как на них упали тяжелые железные ворота, благо в это время маленькой семьи не было на месте, и женщина подумывала о том, чтобы на время уехать к сестре и дочери на русский Север, куда они ее звали, чтобы не пугать больше сына. Но ей было стыдно оставить родной город, ополчение: ведь она так призывала бороться за свободу! Трогательно так, что плакать хочется!

А когда я уснула, мне снился мой улыбающийся пес: он нашел меня за тысячи километров!

Глава 7

Жены

Воевали, можно сказать, вахтовым методом, иногда уходя отсыпаться и не только, к своим кроватям, борщам, девушкам и женам. У старшего, Афганца, только успевшего уйти на пенсию с завода, была жена, две взрослые дочери и даже внучка, фотографии которой ему все время присылали из города. А он показывал забавную двухлетнюю активную кроху, немного надоедая этим всем – так как, чего душой кривить, мы любим преимущественно своих детей, – в самосвязанной шапочке и простенькой курточке, на детской площадке, на санках, в сугробе. Он был, как большинство здесь, высоким, коренастым, немного полноватым, лысым, улыбчивым, наверное, несколько хитроватым.

Всё рассказывал старые анекдоты типа:

– Жена проводит время с любовником, а тут открывается дверь и входит, как водится, муж. Дальше возможны варианты в зависимости от национальности. Американка скажет: «Джон, ты не мешаешь мне делать мой маленький бизнес?» Немка посмотрит на часы и произнесет: «Ганс! Ты сегодня непунктуален!» Француженка улыбнется и: «Пьер, подвинься, вместе нам будет веселее!» Еврейка глубокомысленно изречет: «Исаак, это ты? Тогда кто лежит со мной рядом?» Русская упадет на колени и истошно закричит: «Петя,

милий, только не по морде, ведь у меня завтра партсобрание!» А украинка, изобразив несуществующий страх: «Тарасе, це ты? А це хто? Ой я така затуркана, така затуркана...»

Когда мы вечером, хоть и не часто, могли немного выпить, он принимал ровно три рюмочки крепкой. Я как-то подсчитала: в сумме это было до сто граммов, а еще говорят, что пьем мы много! Он все мог соорудить из ничего и ремонтировал что угодно! Казалось, что он и танк соберет из легковушки! Он бесконечно волновался за жизнь дочерей, а особенно внушки. Звонил, так как СМС не очень любил, да и, как я поняла, зрение подводило, а очки он носить стеснялся. И я слышала, как он наставлял жену, отходя немного от нас:

– Маша! Как дела?.. Как она ела?.. Во сколько проснулась?.. Почему так мало слов знает?.. Помнишь, что в ее возрасте девочки говорили: стихи читали! Может, испугалась когда? Не выводи ее сегодня на улицу! Я говорю – нет! Опасно, – настаивал он.

Или наоборот:

– Спуститесь сегодня в подвал! – Чаше в его просьбах и приказах, при его бывшем и настоящем опыте войны и жизни, был смысл. А информацией мы и сами не всегда располагали!

В начале боевых действий его дочери и внушка, как он говорил, «Мои дивчата», выезжали из города, но, не выдержав непривычной среды, вернулись. Жена не покидала его и город ни на день. Он периодически приносил нам в поддержку

от нее еду и радостно сообщал нам что-то типа:

– Жинка для вас тут целый кулек сварганила пирожков с толченой и луком! Будет у нас как на вылазке! Не бошкайтесь: мойте руки!

Были и другие варианты. Например, он выставлял на стол пятилитровую пластиковую баклажку, завернутую в детское одеяло, и гордо заявлял:

– Борща тут соорудила – с поджаркой, синенькими, буряком! Пора уже живенько соваться ближе к еде!

И мы действительно, как проголодавшиеся и наигравшиеся дети, с удовольствием поедали, казалось, на километры пахнущий борщ, иногда еще и со скибками от буханки белого домашнего хлеба, на который накладывали перемолотое с чесноком сало. Иным вариантом могло быть выкладывание трехлитровых банок, когда он говорил:

– Закруточки – домашние! Со своими огурчиками! Не сильно настраивайтесь, бутылка не будет! – И действительно, они были выращены его женой, так как они жили в своем доме, хотя и недалеко от центра Города, с парой соток рядом, с тщательно ухоженными грядками, на которых росли цветы и овощи. На дачу же, расположенную почти в десяти километрах от Города, ездить были небезопасно, и он сокрушался, говоря:

– Какие там черешни и яблоки – летом пообсыпались! Абрикосы в посадках зря на землю падали, а теперь и вареньем вас угостить не могу! – А я, обычно сидевшая на жесткой

диете, ела – и не толстела. К чему бы это?

Командир был среднего роста, с коротко стриженными волосами на круглой голове. Улыбался часто, но одними губами, не разжимая их. Серые глаза всегда смотрели насто-роженно и умели осматривать всю местность вокруг – шея при этом почти не двигалась. Я видела многих командиров отрядов специального назначения: англичан, евреев, турков, египтян. Казалось, что мать у них одна, а цвет кожи и национальные особенности – от отца: так все они были похожи! И я предполагала, по известной мне аналогии, что в определенной ситуации все они – нежные и трепетные. У него была молодая жена. В Городе жила и прежняя, которая как-то совсем некрасиво загулявшая, когда он был где-то в командировке на Востоке, и он не смог простить ей это, а также десятилетний сын от первого брака. И почему военные так рано женятся?

– Наверное, им надо точно знать, что где-то есть место, куда их должно тянуть как магнитом и где их ждут! Его, а особенно женщину, они не всегда выбирали правильно: почему-то в этом интуиция им изменяла. Но ведь, как я уже говорила, самое главное – иметь дом и возможность в нем любить кого-то! Нынешняя жена пару раз приезжала к нам с инспекторской проверкой: что там за санитарочки-фармацевтши рядом с ним. Пирожки привезла из кулинарии. Правда, тоже вкусные! Худощавая, но с необходимыми для личной жизни выступающими местами под коротким, базарного качества

кожаном, легким, не по сезону, плащиком, на каблуках, так неуместных здесь, и с несколько избыточно покрашенными поджатыми губами. Командир смотрел на нее с гордостью, и его серые глаза при этом темнели. Богдан отводил свои и чуть кривился при виде сверстницы, а Афганец отпустил комплименты типа:

– Какая королевишна к нам прибыла! – А я заметила уменьшительное «королевишна» вместо «королева»! Пробыла она у нас недолго. Прошептала что-то мужу на ушко. Тот посадил ее в служебную машину, которой и сам редко пользовался, улыбнулся губами и на ее вопрошающий взгляд покачал головой. Вечером с полчаса отвечал на СМС, смотрел присланные ею селфи, а потом отключил телефон.

Глава 8

Матери и дочери

У Богдана была в Городе собственная квартира, оставшаяся ему от бабушки. Его родители жили в другом городе. Отношения, как я догадывалась из отдельных его фраз, у них были напряженными. Они осуждали его проживание в этой зоне и звали к себе. Но все же они были родителями: волновались, хотя и бранились.

С противоположными вариантами дело обстояло хуже. Однажды в университете, по которому я в какой-то ностальгии пошла слоняться по кафедрам, на которых я когда-то училась, я встретилась на фармации со своей сокурсницей, с которой мы вместе поступили в аспирантуру, иначе я бы ее не узнала. Она сильно располнела, седеющие пряди сильно отросли у корней по сравнению с каштановыми, крашеными, лицо было несколько одутловатым, с потухшими карирами глазами, которые, казалось, стали, как и волосы, намного светлее. Лицо было без макияжа, а одета она была в какой-то балахон. Она первая узнала меня и с криком: «Вероничка! Ты откуда?» – кинулась ко мне.

– Оттуда! – не очень остроумно ответила я.

– Не изменилась! Шикарно выглядишь! Стройная! И как тебе это удастся? – Хотела ответить, как всегда: «С большим трудом!» – но вспомнила сало и печености, часто на нем же,

и – прикусила язык. Обнялась, как водится, поцеловались, пошли пить кофе.

Она рассказывала, какой подъем был в начале конфликта. А затем все стало обыденным. А потом пожаловалась мне, что ее единственная дочь, которую она одна растила и пестовала, в том числе организовывала и проплачивала ее фото-выставки, когда она собиралась быть фотографом... Она все повторяла: «Она – очень талантливая!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.